

Примечания

¹ См.: R o n c o n i A. Omero nella interpretazione di Orazio // Studi classici in onore di Quintino Cataudella. Catania, 1972. Vol. III. P. 295-306; G l o m b o w s k a Z. Horazjuczo interpretacja "Iliady" // Meander. 1988. Vol. 43, N 4/5. S. 197-212.

² См.: R a d k e G. Le carmen Lollianum d'Horace // Latomus. 1986. T. 45, N 4. P. 768-782.

³ Гораций, по-видимому, развивает мысль Проперция (Ш,1,25 слл). См.: S o l m s e n Fr. Propertius and Horace // Classical Philology. 1948. Vol. 43. P. 105-109.

⁴ См.: Q. H o r a t i u s Flaccus. Oden und Epoden / Neunte Aufl. bes. von R.Heinze. Berlin, 1958, ad locum.

⁵ P u t n a m M.C.J. Artifices of eternity: Horace's fourth book of Odes. Ithaca; London, 1986. P. 161.

⁶ B r i n k C.O. Horace on poetry: Prolegomena to the literary epistles. Cambridge, 1963. P. 132-134.

⁷ Ibid. P. 43 ff.

А.Б.Черняк

ХИТРЫЙ КВИНКВЕВИР (Hor., S., II, 5, 55-57)

Рассматриваемый в статье пассаж принадлежит весьма примечательному эпизоду знаменитой сатиры о ловцах завещаний (сартаторес), самой "квэналовской"¹ из всего, что написал Гораций по непримиримости к общему пороку и по хлесткости тона, за которой не угадывается обычного для поэта снисхождения к человеческим слабостям.² Отвечая на вопрос Одиссея, как ему возместить ущерб, нанесенный женихами в его отсутствие, тень Тиресия (действие сатиры переносит нас в мир гомеровских образов и даже еще дальше, в царство Прозерпины, где Одиссей вызывает души мертвых; ср. Od., 11, 100-149) неожиданно советует

© А.Б.Черняк, 1992

плывущему из-под Трои домой герою начать охоту за наследствами богатых бездетных стариков; убеждая сопротивляющегося воина, прорицатель перечисляет ряд возможных ситуаций, в которых легко угадываются реальные эпизоды окружавшей Горация жизни.³ Как всегда, поэт предпочитает не называть конкретных лиц.⁴ Богач Дама, будущая "жертва" Одиссея (ст.18,101), - это явно обобщенный тип состоятельного вольноотпущенника (более "говорящие" имена вроде петрониевского Тримальхиона - собственно "трижды царь", ср. сир. malka 'царь' - по-видимому, не укладывались в размер); поэт Фурий - его имя вполне соответствует его стихам - попался под руку случайно (ст.40; ср. S., I, 10, 46) и только эпизод с должником Назикой, выдавшим дочь за богатого и, видимо, бездетного Корана, но оставшимся ни с чем (ст.55-69), обращает на себя внимание полным отсутствием литературного камуфляжа: анекдот рассказан настолько достоверно,⁵ что невольно хочется поискать в Prosopographia Imperii Romani его героев; во всяком случае, для обедневшего аристократа Назики такой специалист по римской генеалогии, как Р.Сайм, вполне мог бы найти подходящую кандидатуру.⁶ Но обратимся к тексту:

v. 51 "qui testamentum tradet tibi cumque legendum,
abnuere et tabulas a te removeve memento,
sic tamen, ut limis rapias, quid prima secundo
cera velit versu; solus multisne coheres,
55 veloci percurre oculo. plerumque recoctus
scriba ex quinqueviro corvum deludit hiantem
captatorque dabit risus Nasica Corano".
"num furis? an prudens ludis me obscura canendo?"
"o Laertiade, quidquid dicam, aut erit aut non:
60 divinare etenim magnus mihi donat Apollo".
"quid tamen ista velit sibi fabula, si licet, ede".
"tempore quo iuvenis Parthis horrendus, ab alto
demissum genus Aenea, tellure marique
magnus erit, forti nubet procera Corano
65 filia Nasicae, metuentis reddere soldum.
tum gener hoc faciet: tabulas socero dabit atque

ut legat orabit; multum nasica negatus
accipiet tandem et tacitus leget invenietque
nil sibi legatum praeter plorare suisque".⁷

Если кто просит тебя прочитать его завешанье, / Ты откажись и
таблички рукой оттолкни, но сторонкой / Сам потихоньку взгляни
между тем: что на первой табличке / В строчке второй, и один
ты там наследник иль много. / Зорче смотри, чтоб тебя писец из
уличной стражи / Так не провел, как ворону лиса! И Коран этот
ловкий / будет потом хохотать над ловцом завешаний Назикой! /
Улисс: "Ты в иступленье пророческом или же шутишь в загадках?" /
Тиресий: "Что я сказал, Лазртид, то иль будет, иль нет, — не-
пременно! / Дар прорицанья мне дан самим Аполлоном великим!" /
Улисс: "Ежели можно, однако, строй мне, что это значит?" / Ти-
ресий: "Некогда юный герой, стоах парфян, из Энезва рода / Сле-
вой наполнит своей и землю и море. В то время / Дочь за Корана
свою выдаст замуж Назика, из страха, / Чтобы могучий Коран с
него не потребовал долгу. / Что же сделает зять? Он тестю по-
даст завешанье / С просьбой его прочитать. Назика противится
будет. / Но наконец возьмет, и прочтет про себя, и увидит /
Что завешают ему одно: о покойнике плакать" (перевод М. Дмит-
риева в редакции М.Л. Гаспарова).⁸

Приведенный отрывок не содержит сколь-нибудь значительных
разночтений, но смысл его не очень понятен. "В чем, собственно,
состоит значимость анекдота о Назике и Коране? — спрашивает из-
вестный исследователь сатир Горация Найел Радд. — Большинство
издателей полагает, что его цель призвать к осторожности. Но
если Одиссею следовало избегать участи Назики, нужно было ска-
зать ему, где ошибся Назика. Это совсем не очевидно... Я подо-
зреваю, что эта история попала в текст просто потому, что была
слишком пикантной и актуальной, чтобы ей можно было пренебречь.
Отсутствии логической последовательности маскируется присущей
оракулу туманность".⁹

Еще больше трудностей доставили комментаторам ст. 55-56
rescetus / scriba ex quinqueviro. Вина здесь в значительной
степени лежит на античных грамматиках. Уже у Порфириона (II -
III вв. н.э.) встречается явно неправильное объяснение: "resc-

tus: iterum scriba factus".¹⁰ Оно было подхвачено и "раз-
вито", т.е. доведено до полного абсурда, Псевдоакроном: « Re-
scosti dicuntur scribae, qui saepius cum proconsulibus ad pro-
vincias missi exercitiores facti sunt usu ipso et frequentia.
Solent autem mitti quinque, inde "ex quinqueviro" ».¹¹
Обе школы неоднократно переписывались и пересказывались в ком-
ментариях XVII - XVIII вв.,¹² пока в 1815 г. Л.Хайндорф не объя-
вил псевдоакроново объяснение бессмыслицей (ein Gewirr von
Träumerei).¹³ Любопытно, что и у Сервия Горациево rescostus
фигурирует с безусловно неудачной леммой: Aen. XI 553 et robo-
re cocco aut antiquam hastam fuisse significat: nam multi tem-
poris aliquid coctum vocatur: Horatius plerumque... hian-
tem, item Persius <I, 97>. ¹⁴ Последняя глосса, впрочем, не
оказала заметного влияния на интерпретацию.¹⁵ Современные ком-
ментаторы и переводчики идут двумя путями: одни принимают мно-
гочисленные со значением "хитрый", "тертый" и т.д.,¹⁶ другие
вслед за Хайндорфом сохраняют глагольность: "новоиспеченный",
"выдвинувшийся" и т.д.¹⁷

Вчитываясь глубже в пассаж и сравнивая обе эти интерпре-
тации, нельзя, как нам кажется, не прийти к выводу об их общей
недостаточности: что-то все равно остается неясным, причем не
столько в реалиях, сколько в намерении самого автора. Еще в
1857 г. В.Тойфель заметил, что ст. 55-56 содержат по сути дела
совершенно излишние подробности (sachlich höchst müßig):¹⁸
действительно, какое нам дело до карьеры Корана и как она мог-
ла повлиять на его отношения с Назикой? Писец или ночной по-
лицейский / пожарник, достаточно указания на любую из этих
должностей, чтобы подчеркнуть социальную пропасть, отделявшую
Корана от его тестя, и все то унижение, которое последнему при-
шлось испытать. Комментаторы (не упоминая мнения Тойфеля) объ-
ясняют смысл пассажа по-разному: одни думают, что переход из
квинквевиров в дисци дал Корану возможность разбогатеть;¹⁹ дру-
гие полагают, что повышение по службе сделало Корана заносчи-
вым,²⁰ — и то и другое домыслы, достойные псевдоакроновых схо-
лий; третьи, самые честные, признаются в том, что им здесь не
все понятно, но предполагают, что современники Горация все зна-

ли и так, ибо история Корана и Назики была притчей во языцех²¹ (исходя из этой реальности эпизода, К.Шеклтон Бейли даже предложили заменить в ст. 55 *plergumque* на *quandoque* "когда-нибудь").²² Последний довод, однако, тоже нельзя признать достаточным: "темным", т.е. непонятным для непосвященных, Гораций никогда не был,²³ так что нам остается только одно - в сообщении поэта о превращении Корана из квинквевира в писца должен заключаться какой-то смысл. И он действительно появляется, если под "писцом" понимать не должность, а сам факт составления завещания: Корана "допекли" до того, что он был вынужден взяться за перо.

Предлагаемая интерпретация снимает все неясности, таившиеся до сих пор в данном пассаже, а именно: 1) *resocustus* в полной мере обретает права аллюзии на миф о Медее и царе Пенее (ее увидел, но не смог правильно истолковать еще Ламбин²⁴), так как главным действующим лицом в "обработке" Корана была, разумеется, дочь Назики; 2) само превращение богатого старика в *scriba ex quinqueviro* из банального факта биографии становится остроумной шуткой: квинквевиры вряд ли отличались особой грамотностью; 3) конструкция *resocustus scriba ex quinqueviro* находит себе полную аналогию в S., II, 7, 53-54: *Tu cum proiectis insignibus, anulo equestri / Romanoque habitu prodix ex iudice Dama* (о любовнике, пробирающемся переодетым к замужней женщине)²⁵ - с той лишь разницей, что в первом случае мы имеем метафору,²⁶ а во втором - метонимию; 4) неожиданно приобретает значимость *plergumque* "по большей части": ситуация, когда "обработанный" старик составлял совсем не такое завещание, какого от него ждали, была обычной²⁷ - откуда следует вывод, что в исправлениях типа предложенного Шеклтоном Бейли (см. выше), нет никакой необходимости; 5) общий смысл приведенного выше отрывка сводится не столько к тому, что Одиссей в своих домогательствах не должен быть назойливым, сколько к совету сохранять хладнокровие в любых ситуациях и заранее примириться с возможными неудачами (ср. ст. 24-27: *...neu, si vafer unus et alter / Insidiatorem praeroso fugerit hano, / Aut spem deponas aut artem inclusus omittas*). Успех в охоте за наследствами требовал упорства, холодного расчета и железных нервов,

и поразительно сходство героя оригинальной пародии Горация с некоторыми персонажами Бальзака (в первую очередь с Филиппом Бридо из "Жизни холостяка").

Из вышеизложенного следуют по крайней мере два вывода. Первый носит характер текстологической рекомендации: не нужно, как нам кажется, неоправданно усложнять литературный античный текст предположениями о каких-то непонятных нам реалиях. Не которую аналогию может представить известный пассаж из "Золотого осла" Апулея: *Tunc e re nata suptile consilium ego et iste Babulus tale comminiscimur* (Apol., Met., IV, 14), где явно вылезавшее из смыслового контекста имя *Babulus* (пущие разбойники носят вполне прозрачные и "разбойничьи" имена: Ламах, Алким, Фразилеон)²⁸ подвергалось всевозможным грецизирующим исправлениям, например, *Bubulus* (Bursian) или *Diabolus* (Rode), хотя естественнее всего предполагать здесь имя нарицательное со значением "увалень", "дуралей" или "болтун", "хвостун", в пользу чего говорят засвидетельствованное в глоссах у Исидора *baburrus "stultus"*²⁹ и многочисленные итальянские рефлекс.³⁰ Вторым, более частным, выводом будет установление факта, что Коран никогда не был писцом и свое состояние нажил, оставаясь квинквевиром, т.е. принадлежал к классу мелких и средних предпринимателей, в который входил и отец Горация (*coactor*, т.е. сборщик налогов, согласно S., I, 6, 86 и *vita Horatii* Светония, но тоже имевший немалые средства, если вернувшийся с гражданской войны сын, несмотря на конфискацию имения, смог купить себе место писца в столице!) и нравы которого поэт должен был хорошо знать. Именно этот класс наряду со всадничеством выиграл в результате начатого Цезарем и завершеного Августом переворота, и к нему теперь шли на поклон представители разоренной аристократии в поисках поддержки для себя и своих сыновей (ст. 69 *uisque*), не имевших даже минимального ценза для старта - или продолжения - своей политической карьеры.

Примечания

1 См.: F g a e n k e l E. *Horace*. Oxford, 1957. P. 145 (впервые уже в кн.: S e l l i a g W.Y. *The Roman Poets of the*

Augustan Age: Horace and the elegiac poets. Oxford, 1892. P. 70).
См. также: Roberts M. Horace. Satires II. 5. Restrained
Indignation // American Journal of Philology. 1984. Vol. 105.
P. 426.

2 Нагуевский Д.И. Римская сатира и Ювенал. 2-е
изд. Митава, 1879. С. 108; Friedländer L. Darstel-
lungen aus der Sittengeschichte Roms. Leipzig, 1922. Bd. 1. S.
249; Stemplinger E. Horaz im Urteil der Jahrhun-
derte. Leipzig, 1921. S. 110; Williams G. Horace.
Oxford, 1972 (Greece and Rome. New Surveys in the Classics 6).
P. 19; Shackleton Bailey D.R. Profile of
Horace. Cambridge (Massachusetts), 1982. P. 36.

3 O captatores см.: Friedländer L. Darstel-
lungen aus der Sittengeschichte Roms. P. 248-252; Dilis.
Roman Society from Nero to the Antonines. London, 1905. P. 72,
96, 127, 156; Schmidt D. Der Erbschleicher in der an-
tiken Satire: Diss. Tübingen, 1952.

4 Cartaud A. Étude sur les satires d'Horace.
Paris, 1899. P. 300-301; Knoche U. Die römische Sati-
re: 3 Afl. Göttingen, 1971. S. 54-55; La Fleur R.A. Ho-
race and Onomasti Komodein: the Law of Satire // Aufstieg und
Niedergang der römischen Welt. II. 31, 3. New York; Berlin,
1978. P. 1790-1826.

5 Cartaud A. Étude sur les satires d'Horace. P.
172 ("c'est un fait divers contemporain daté").

6 Coranus: Prosopographia Imperii Romani: 2 Afl. Berlin,
1936. Bd. II. N 1286; Nasica: Real Encyclopädie. Stuttgart,
1936. Bd. XVI. Sp. 1783. - O его семье см.: Real Encyclopä-
die. Stuttgart, 1900. Bd. IV. Sp. 1494, 25 ff., n 350-355;
Suppl. Bd. I. Sp. 331, 31 ff.

7 Цит. по кн.: Horaz. Satiren und Episteln / Lat. u.
deutsch v. Schönberger O. Berlin, 1976. S. 126-128.

8 Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Посла-
ния / Под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1970. С. 303.

9 Rudd N. The Satires of Horace. Cambridge, 1966. P.
304, Note 18. - Как переходный эпизод рассматривает наш
анекдот К. Зальман (Sallman K. Satirische Technik in
Horaz Erbschleichersatire // Hermes. 1970. Bd. 98. S. 184. -
Ср. также: Roberts M. Horace. Satires II, 5. P. 427. Note
5: "The function of the Nasica / Coranus episode has never been
adequately explained"; Zoccolli D. Parodia e moralis-
mo nella satira II 5 di Orazio // Atti della Academia Peloritana
dei Pericolanti, Classe di Lettere, Filosofia e Belle
Arti. Messina, 1979. Vol. 55. P. 303-321.

10 Porphyroni Porphyronis commentarii in Q. Hora-
tium Flaccum / Rec. G. Meyer Lipsiae, 1884. P. 263 ad locum.

11 Pseudocronis scholia in Horatium vetus-
tiora / Rec. O. Keller Lipsiae, 1904. Vol. II: Scholia in ser-
mones epistulas artemque poeticam. P. 172. - Ср. еще P. 173,
ad v. 56: "Scribae ibant in provinciam cum magistratibus; et
cum redissent, vendebant decurias suas et quingeviri dicebantur.
Quod si voluissent iterum magistratibus apparere et fruc-
tus priores percipere, recocci dicebantur". - О псевдохроно-
ны схоллий см.: Noske G. Quaestiones Pseudocronaeae:
Diss. Erlangen, 1969; Massaro M. Un commento medievale
inedito di Orazio // Atene et Roma. 1978. Vol. 23. P. 190-
193.

12 D. Lambinus (Venetiis, 1565), L. Desprez (Venetiis, 1787).

13 Des Q. Horatius Flaccus Satiren / Erklärt v. L.F. Heindorf.
Breslau, 1815. P. 368 (= 3 Afl. Leipzig, 1859. P. 374).

14 Servii grammatici qui feruntur in Vergilii car-
mina commentaria / Rec. G. Thilo et H. Hagen Lipsiae, 1884. Vol.
II. P. 544. - См. также: Santini P. L'auctoritas lin-
guistica di Orazio nel commento di Servio a Vergilio. Firenze,
1979.

15 Ср., однако, издание: Hor. Q. Flacci opera a P.G.
Chabotio ... illustrata. Coloniae Munatiana, 1615. T. II. P.
197-198, где глосса Сервия приводится полностью, а также
I. Bond (Amstelodami, 1742. P. 399, ad locum).

16 О И. Крукии, известном филологе из Брэнге второй поло-
вины XVI в. и собранных им средневековых глоссах к Горацию, см.:
Real Encyclopädie. Stuttgart, 1913. Bd. VIII, 2. Sp. 2391 ff.,
а также категорическое суждение Келлера: "...commentator Cru-
quianus ... nihil aliud est nisi millies interpolata et immuta-
ta scholiorum z farrago" (Keller O. Pseudocronis
scholia in Horatium vetustiora. P. X). Глоссу Крукии recocci:
denuo, saepe refectus et per hoc astutus etc. (далее как у
Псевдоакрона) приводит в примечании Хайндорф (Des Q. Horatius
Flaccus Satiren. P. 368). Ее используют следующие переводчи-
ки и авторы комментированных изданий Горация: Wieland (Leip-
zig, 1787), F.G. Doering (Lipsiae, 1824), B. Schwindl (Wien,
1825), M. Génin (Paris, 1839), C. Kirchner (Leipzig, 1857),
Fr. Ritter (Lipsiae, 1858), Fr. Frölich (Schleswig, 1866),
J. Benson Rose (London, 1869), M. Patin (Paris, 1876) и т.д. -
Ср. также: B o D. Lexicon Horatianum. Hildesheim, 1966. Bd.
II. P. 231, s.v. recocci: "veterator, aetate grandis et in
multis negotiis versatus".

17 Собственно, первым был И. Эрнести (Ernest I.H.M.,
Clavis Horatiana. Berolini, 1802. P. 899 s.v. scriba), затем
Л. Хайндорф 1815, далее I.C. Orelli (Turici, 1844), J.G. Strodt-
mann (Leipzig, 1855), W.E. Weber (Stuttgart, 1859), H. Düntzer
(Paderborn, 1868), T.H. Fritzsche (Leipzig, 1876), H. Schütz
(Berlin, 1881), L. Müller (Wien, 1891) и т.д. Неудачен пере-
вод М. Дмитриева: "Иногда ведь писец, излагавший последнюю во-
лю, / Так проведет, как ворону лиса" (см.: Кв. Гораций).

Славу, Полн. собр. соч. / Перевод под ред. Ф.А.Петровского. М.; Л., 1936. С. 267), как, впрочем, и цитированный выше (см. с. 100) перевод М.Д.Гаспарова и дословно следующий ему украинский вариант А.Соромори (Киев, 1982).

18 Q. Horatius Flaccus. Satiren / Kritisch hergestellt, metrisch übers. u. mit erkl. Komm. versehen v. C.Kirchner, Komm. zum 2-ten Buch verfasst v. W.S.Teuffel. Leipzig, 1857. S. 135. Независимость и резкость суждения объясняются тем, что Тойфель отсылся к Горацию достаточно критически: его монография "Charakteristik des Horaz. Ein Beitrag zur Literaturgeschichte" (Leipzig, 1842) содержит прямые обвинения поэта в чрезмерном рационализме и в филистерстве, от которых ему очень скоро пришлось отказаться (Horaz. Eine literarhistorische Übersicht. Tübingen, 1843, Vorrede). См. также: S t e m p l i n g e r E. Horaz im Urteil der Jahrhunderterte. S. 88.

19 L.Müller (1891), H.Schütz (1881).

20 K o c h G. Vollständiges Wörterbuch zu den Gedichten des Q.Horatius Flaccus. Hannover, 1863. S. 377, s.v. *recoquo*; Kießling-Heinze (1959?), 289 ad locum.

21 The Satires and Epistles of Horace / With Notes and Excurses by Th.Keightley/London, 1848. P. 150 ad locum; E.C.Mickham (Oxford, 1891), II,174 ad locum. Отметим также, что в своем подробном пересказе пятой сатиры У.Райнелт приводит ст. 55-57 цитатой, оставляя их даже без приблизительного перевода (R e i n e l t U. Zur Kompositionseinheit des zweiten Satirenbuches des Horaz: Diss. München, 1969. S. 73).

22 S h a c k l e t o n B a i l e y D.R. Vindiciae Horatianae // Harvard Studies in Classical Philology, 1985. Vol. 89. P. 166.

23 Ср.: Hor. ar. poet. 25-26: Brevis esse laboro, / Obscurus fio. По всеобщему признанию, поэту, как правило, это удавалось; ср.: Suet. vita Hor. (см. Horatius. Opera / Ed. Fr. Klingner. Lipsiae, 1959. P. 3, 22-23) epistula etiam obscura, quo vitio minime tenebatur (о приписывавшемся Горацию письме к Мecenату); S t e m p l i n g e r E. Horaz im Urteil der Jahrhunderterte. S.195; "Horatius' Sprache ist von kristallener Klarheit... seine Ausdrucksweise erzieht lebhaftere Anschaulichkeit dank den überströmenden Metaphern und Gleichnisse", а также приводимое им на с.97 мнение Ницше.

24 См.: H o r a t i i F l a c c i sermonum libri IV a Dionysio Lambino Monstroliensis... emendati. Venetiis, 1565. P. 188 ad locum: "...vel quia hic Coranus, quamvis aliquantum esset aetate provecta, ita firmus erat tamen et validus ut recoctus esse videretur".

25 См.: H o r a t i u s. Sermones / Hgg. und erkl. v. Th.H.Fritzsche. Leipzig, 1876. S. 102 ad locum,

где помимо этого примера указывается на Ep.,I,7,83 ex nihilo fit rusticus и Carm.,III,30,12 ex humili potens; а также: Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1971. Fasc.III. P. 629, s.v. ex 13).

26 О метафорах см.: H o f m a n n J., S z a n t y r A. Lateinische Syntax und Stilistik. München, 1965. S. 33,779-782; B a c k e r F. Metaphern in den Sätiren des Horaz // Progr. Stralsund, 1883.

27 F r i e d l ä n d e r L. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. P. 248-252.

28 См. комментарий А.Петровского в кн.: А п у л e й. Золотой осел / Пер. М.Кузмина. Л., 1930. С. 326. Прим. к с. 86.

29 Так в кн.: Thesaurus linguae Latinae. Lipsiae, 1906. Bd. 2. Sp. 1652, 69 ss.

30 C a p p o n i F. Babulus ad Apul., Met.,IV,14 // Latomus. 1988. Vol. 47. N 1. P. 143-145.

Н.Х.Керасиди

ЭПИКЕДИЙ ГОРАЦИЯ "К ВЕРГИЛИЮ НА СМЕРТЬ КВИНТИЛИЯ ВАРА"

(Своеобразие утешительных мотивов)

Убеждение в том, что скорбь поддается лечению, побудило древних мудрецов искать лекарство от душевной боли. "... Тело может заболеть не по своей вине, - говорит Цицерон, - а душа - только по своей, потому что все душевные болезни и страсти происходят от пренебрежения к разуму".¹ Древними греками была создана литература утешительного жанра², которая оказала влияние на формирование утешительного жанра в римской литературе.³ Гораций был хорошо знаком с этой литературой, о чем свидетельствует его суждение о том, что Гомер более четко излагает учение о нравственности, нежели философ академической школы, основатель утешительного жанра в греческой литературе Крантор и стоик Христипп, который занимался исследованием причин аффекта

© Н.Х.Керасиди, 1992